

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ТАТЬЯНА РАЕВСКАЯ

Два спутника
планеты
Ксюша

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р16

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Раевская, Татьяна.

Р16 Два спутника планеты Ксюша : [повесть] / Т. Раевская; худож. Д. Лапшина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 142, [2] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-164666-0.

Татьяна Раевская — современная детская писательница. Ее произведения очень светлые, легкие и при этом психологичные.

«Два спутника планеты Ксюша» — новая повесть Татьяны Раевской. Ксюша на год должна уехать в другую страну. Многие девчонки на ее месте прыгали бы от радости, но не она. Ксюша, наоборот, мечтает, чтобы эта поездка не случилось. Ведь всё главное в ее жизни — здесь.

Илья учится в одном классе с Ксюшей. Он давно в нее влюблен, но не знает, как к ней подойти. В один момент он понимает, что действовать нужно сейчас или будет поздно. Сделает ли мальчишка первый шаг?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раевская Т., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1
20 СЕНТЯБРЯ

— Ты же понимаешь, что все это не серьезно! — мама выслушала мои причитания и вздохнула.

Я отпихнула фарфоровую тарелку, на которой расположился любимый тост с авокадо и лососем. Не до него сейчас. Тут такое! Моя судьба решается!

— Что все? Что несерьезно? Дружба? Мы уже десять лет дружим, десять! И вот так, бросить его?

— Да-да, я понимаю, это очень тяжело, — голос мамы казался участливым, — но...

— Что «но»? Что «но»?

Я не находила слов, хотелось только кричать и топтать ногами. Как будто

что-то во мне готовилось взорваться. И никак не могло. Почему я? Почему выбрали меня? Я не хочу никуда уезжать! Я чуть не бежала из школы, чтобы рассказать маме эту новость! Я думала, она на моей стороне! А она... Для меня это полная катастрофа!

— Ксюшенька, пойми, нужно думать о будущем. Это такой шанс!

Я замерла, уставившись на маму. Неужели она ничего не понимает? Какой шанс? Если бы на неделю, на две, даже на месяц, ну ладно, мы бы потерпели друг без друга, но год! Почти весь учебный год жить во Франции и не видеть его!

— Зря я тебе сказала!

— Я бы все равно узнала. — Мама снова пододвинула ко мне тарелку. Раздражает ее спокойствие! Конечно, ей-то наплевать, не она же уезжает. — Поешь. Мадам Вейле наверняка сегодня в телеграм напишет. И мы все обсудим.

И сказать нельзя, и не сказать нельзя, все плохо! А мое мнение интересует кого-то здесь? Вы там свои дела взрослые решаете, а я что, не человек? У меня своих чувств нет, что ли?

Я схватила приборы. Отрезала кусочек тоста с лососем и запихнула в рот. Я чувствовала, что иначе вот-вот сорвусь на крик. Я никогда не кричала на маму, никогда. Алиска, моя лучшая подруга, рассказывала, что у них дома часто орут друг на друга, а дети (их в семье трое) дерутся, но мне трудно такое представить.

А сейчас я была на грани. Внутри все дрожало. Я жевала тост и не чувствовала вкуса. Он был словно резиновый. Хлебный комочек, пропитанный мякотью и соком авокадо, застрял в горле и не хотел идти дальше, но я заставила себя и проглотила с усилием. В голове только одна мысль: «Надо достучаться, надо объяснить маме, что это невозможно, нужно отказаться от поездки!» Эта мысль мешала горлу глотать.

А мама продолжала, как будто не видя, что я давлюсь:

— Раньше больше возможностей было, сейчас все изменилось, так что отказываться неразумно. И удобно, что восьмой класс, потом не до этого будет, экзамены... Во Франции язык подтянешь. Душаю, и папа тоже согла...

— Мам! Ну не могу я его бросить!

Вилка звякнула о край тарелки.

Я ойкнула и виновато посмотрела на маму. Как громко! Мама вздрогнула и быстро обернулась к двери из столовой. Все понятно, боится, что Уля проснется и пришлепает сюда.

И тогда мы сразу все забудем, умильно сложим ручки и будем смотреть, как она здорово стучит ложкой по кастрюле.

И никакого разговора с мамой не получится. А это ведь очень важно!

— Ты говоришь, точно это твой жених! — Мама снова повернулась ко мне, выдавила смешок, но я только хмуро улыбнулась в ответ. Она не понимает... Они все не понимают. Для них это просто легкое увлечение, ничего серьезного. А для меня — вся жизнь. У меня такого друга больше нет.

Есть, конечно, Алиска. Мы и за одной партой сидим, и после школы домой вместе идем, и обсуждаем все события нашего класса. Алиска любит все обсуждать — кто на кого как посмотрел, кто что сказал и каким тоном и что на самом деле он или она думает. Еще она всех тестирует: у кого какой темперамент, кто какое дерево по гороскопу друидов и каким знаком зодиака по обычному горос-

копу. Алиска на психолога хочет учиться, но мне кажется, она не справится. Ей все время мерещатся всякие интриги и козни, как будто мир вокруг — одно сплошное зло. Жила бы она в Средневековье, точно была бы кардиналом или коварной миледи.

А к НЕМУ у меня особые чувства. Кажется, что мы понимаем друг друга с полуслова. Даже не с полуслова, потому что мы с ним не разговариваем. А по-другому. Телепатически, что ли. Так с самого начала было. И никаких нет интриг или даже просто раздражения. И каждый раз только радость. Но как это объяснить человеку, который никогда не испытывал такого? Наверное, никак. Алиске я даже боюсь заикнуться. Смеяться будет. Скажет, что я живу в нереальном, полностью выдуманном мире.

Сердце билось как бешеное. Я все жевала и жевала тост, и мне казалось, что это монотонное действие успокаивает меня. Рот был чем-то занят, а значит — я не закричу.

Я посмотрела в тарелку. Она была любимая, мы купили ее четыре года назад на блошином рынке в Страсбурге. Раньше, до рождения Ули, мы много

путешествовали, объездили если не весь мир, то половину точно.

Из-под тоста выглядывал всадник в нарядном камзоле, скачущий по полю, а по краю тарелки шел золотой ободок. Я думала в детстве, что она, такая красивая, наверняка принадлежала королю. Или, в крайнем случае, принцессе. Когда я ее увидела среди всяких очаровательных чашек, блюдец, сотейников и другой посуды, то вцепилась в маму. У меня словно внутри что-то задрожало: «Хочу, хочу!» Как будто сам всадник мне подмигнул с тарелки и сказал: «Возьми меня к себе домой! В свою коллекцию лошадей».

Продавец, увидев мои умоляющие глаза, добродушно улыбнулся в усы и погладил меня по голове. «У вашей дочери есть вкус, — сказал он маме по-французски, а я перевела. — Это тарелка XVII века». Я вообще-то ненавижу, когда меня трогают чужие люди, особенно за волосы, но тут ради всадника в камзоле стерпела. Скорчила что-то вроде ответной улыбки и даже сделала неловкий книксен. «Женьяль, женьяль»*, — пробормотал дядеч-

---

* Гениально (*фр.*).

ка и снизил цену. И хотя при упоминании о XVII веке мама слегка усмехнулась, тарелка стала моей! Так всадник покинул родную страну и живет теперь в нашем огромном дубовом буфете за стеклом, так что я могу им постоянно любоваться, когда прихожу на кухню не поесть, а выпить чаю, например.

— У вас у обеих страсть к коллекционированию, — смеясь, сказал папа, когда мы вернулись с прогулки и я кинулась ему на колени с драгоценной тарелкой. Он работал на компьютере в лобби отеля, пока мы с мамой гуляли по Страсбургу.

Мама слегка покраснела, но на самом деле это так.

Она любит ходить по всяким интересным местам типа антикварных магазинов и блошиных рынков и выискивать красивые вещи. Древние бронзовые статуэтки, крохотные книжки на старо-французском в перламутровых обложках с замочком и маленьким ключиком, висящим на цепочке, маленькие стеклянные бутылочки причудливых форм с помутневшими стенками, на которых осели остатки эликсира, гравюры с изображением средневековых городов... Иногда мама

только вертит эти вещицы в руках, иногда нюхает и о чем-то мечтательно вздыхает, иногда покупает.

Мамочка! Где же ты? Мы так хорошо понимали друг друга раньше... А теперь точно весь мир рухнул. За пять минут. Почему сейчас ты такая чужая?

И почему мне так плохо, что хочется разгромить все вокруг и даже разбить эту тарелку! Чтобы брызнули осколки по полу и чтобы мне стало еще больнее...

И чтобы я, наконец, закричала во все горло.

ГЛАВА 2

ВОТ ТАК НОВОСТЬ

Когда вчера на французском мадам Вейле сказала, что три человека из нашей школы поедут на год учиться в Париж, у меня внутри что-то екнуло.

— Илюха, ты что? — спросил Никита, мой друг и сосед по парте.

А я и сам не знаю. Словно током дернуло. А сердце в живот провалилось. У меня однажды так было в детстве, у прабабушки на даче. Там плита элек-

трическая, и, видимо, контакт отошел. Я пельмени варил, ложку сунул в кастрюлю, чтобы их помешать, а меня как ударит! Как будто прямо в грудь. И на языке привкус сразу такой неприятный, железный. Ощущения отстой.

Так и здесь. И я даже не понял, почему меня дернуло. Меня-то точно не отправят. Не из-за чего переживать, да и не нужна мне эта Франция. А когда объявили список, все стало ясно.

Ксюха.

Ксюха во Францию едет. На целый учебный год!

Я словно утонул. И сквозь толщу воды вяло смотрел, как Ксюха вышла к доске, а мадам Вейле сначала пожала ей руку, а потом даже обняла.

— *Mes chers amis**, — сказала французенка и приложила к глазам белый платок, — времена сейчас непростые, но я верю в дружбу наших стран и очень рада, что Ксения будет учиться в Париже. Она достойна!

Ксюха стояла рядом бледная и, похоже, не слишком веселая. Будто даже расстроенная. Неужели не хочет ехать? А может,

---

* Мои дорогие друзья (*фр.*).

она... да нет, нет, не может быть, ей до меня и дела нет.

Она слабо улыбнулась мадам Вейле и пошла за свою парту, где уже ждала Алиска. Пока мадам Вейле толкала речь, та вся извертелась. Чуть ли не подпрыгивала. А когда Ксюха протиснулась мимо нее на свое место у окна, она схватила ее за руку:

— Ксюха! Я ору! Целый год в Париже, красота! Я к тебе приеду!

— Да была я в этом Париже сто раз, ничего там нет интересного... — Ксюха вытащила руку из крепкого, почти боксерского зацепа Алиски, подперла ею голову и уставилась в окно. Кабинет наш на третьем этаже, и видны тополя во дворе. У некоторых прошлой весной верхушки отпилили, и они стояли точно обезглавленные. А молодой клен уже начал рыжеть. Слегка совсем, часть листьев покраснела, остальные пока зеленые.

Интересно, доучится ли Ксюха первую четверть или уже в октябре уедет. Хотя какая разница, месяцем раньше или позже. Все равно ее не будет целый год.

— Ты что, совсем? Не рада, что ли? — допытывалась Алиска. Я слышал ее шепот так отчетливо, как будто она мне на ухо

